

Сочинское отделение
Русского географического общества

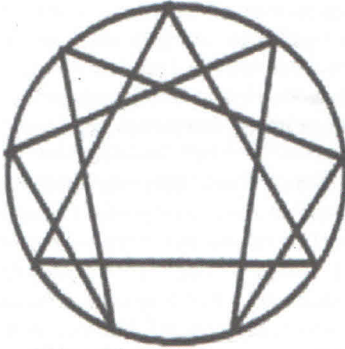
СОЧИНСКИЙ
краевед

Выпуск 14

СОЧИ
2011

ГЕОРГИЙ ГУРДЖИЕВ В СОЧИ

Одни считают, что влияние Г.И. Гурджиева на европейскую мысль и культуру равно нулю, поскольку он оставил очень мало работ, другие ставят его в один ряд с такими проводниками эзотерических влияний на человечество, как Апполоний Тианский, живший в I веке н.э., или, например, - Иоганн Фауст (1480-1540), владевший тайнами магии и послуживший прототипом для героя бессмертной поэмы Гете. Сравнивают его с Калиостро (Джузеппе Бальзамо), с удивительным «бессмертным» Сен-Жерменом. Одним словом, даже в оценках исследователей мистик и окультист Георгий Иванович Гурджиев остается противоречивой и великой загадкой.

**Gurdjieffs Enneagramm
(1916)**

Энеограмма Гурджиева.

верить их словам, как и многому, что связано с Гурджиевым нельзя. Что касается Гитлера, то Карл Хаусховер, один из учителей фюрера прошел обучение у Гурджиева.

Георгий Иванович писал о судьбоносных промежутках исторического времени: «В жизни человечества бывают периоды, когда массы народа начинают непоправимо уничтожать и разрушать все то, что создавалось веками и тысячелетиями культуры. Эти периоды, в общем, совпадают с началом упадка культуры и цивилизации;

Авторы фильма «Сталин, Гитлер и Гурджиев» утверждают, что оба диктатора были его учениками. Это громкое заявление, является, конечно, фальсификацией, желанием привлечь зрителей сенсацией, хотя определенное влияние, по-видимому, имело место. Так по свидетельству учеников Гурджиева, в его книге «Встречи с выдающимися людьми» была уничтоженная, в последствии глава «Князь Нижарадзе» - это один из псевдонимов Сталина. Они оба, вместе учились в семинарии в Тифлисе, молодой Джугашвили жил одно время на квартире у Гурджиева и, как утверждают некоторые авторы, стал его «духовным учеником». Но полностью

Гурджиев на Кавказе

такие периоды массового сумасшествия, нередко совпадающие с геологическими катаклизмами, изменениями климата и тому подобными явлениями планетарного характера, освобождают огромное количество знания. Это, в свою очередь, вызывает необходимость в работе по собиранию знания, которое иначе будет утеряно. Таким образом, работа по собиранию рассеянной материи знания часто совпадает с началом разрушения и крушения культур и цивилизаций». Интересно, что в самые острые из этих моментов (1917-1918гг.) Гурджиев проводит свою работу с учениками на Северном Кавказе и в Сочи.

В книге П.Д. Успенского «В поисках чудесного» написано, что в августе 1917 года Г.И. Гурджиев с небольшой группой, около 10 человек, снял дачу в Уч-Дере. В октябре туда приехал и Успенский: «Место было прекрасное, всё в розах; с одной стороны открывался вид на море, с другой — виднелась цепь гор, покрытых снегом. Я очень сожалел о тех наших людях, которым пришлось остаться в Москве и Петербурге (...) Гурджиев собирался прожить зиму в Уч-Дере. Мы жили в нескольких домах, раскинувшихся на большом участке земли. Никакой «работы» в том смысле, в каком это понималось в Эссендуках, не было. Мы рубили лес, заготавливали на зиму дрова, собирали дикие груши. Нередко Гурджиев ездил в Сочи, где лежал в больнице один из наших товарищей, заболевший брюшным тифом незадолго перед моим прибытием из Петербурга.

Неожиданно Гурджиев решил переехать в другое место. Он нашёл, что здесь мы будем отрезаны от сообщения с остальной частью России и останемся без провизии». Другая ученица Гурджиева пишет, что каждое утро он спускался к морю и долгое время смотрел на волны, чтобы узнать о развитии политической ситуации. «Поняв, что большевики могли уже приближаться к нам, он распорядился собрать багаж и искать жильё в другом месте, может быть, в более населённом районе побережья». Группа Гурджиева перебралась на другую дачу, к северу от Туапсе, в районе мыса Агрия, а в начале 1918года вернулась в Эссендуки.

Первый вояж Гурджиева в Сочи можно назвать «Путешествие в Персию». Находясь в Туапсе, он заявил ученикам, что собирается идти пешком в Персию – что подразумевало длительное и опасное путешествие через зону военного конфликта. Он сказал, что можно зарабатывать себе на жизнь хоть дробя камни на дорогах. Часть учеников, решили идти с ним. Другие предпочли остаться. Под предводительством Гурджиева небольшая группа шла пешком почти без отдыха несколько дней, пока не добралась до Уч-Дере, где неожиданно для всех Гурджиев снял дачу. Как пишет в своих воспоминаниях ученик Гурджиева Томас Гартман: «Оказалось, что мы прибыли в ...Персию».

Композитор и блестящий пианист аристократ Томас фон Гартман был еще и гвардейским офицером и военным изобретателем. Сопровождавшая его супруга Ольга готовилась к карьере оперной певицы, а ее муж был известен как автор балета «Розовый цветок», который шел в Императорской Опере с участием Нижинского и Карсавиной.

В своих воспоминаниях «Наша жизнь с господином Гурджиевым» Гартман подробно описывает этот эпизод. Его, как и Успенского в Уч-Дере поразили огромные цветущие розы и местность, напоминающая Канны или Ниццу. Через несколько дней Гартман заболел, и его жена сняла, напротив дачи, где остановилась группа, дом, расположенный через дорогу, принадлежащий знаменитому врачу профессору Боткину

Т. Гартман

На самом деле, Гурджиев по видимому бывал в Сочи и ранее, но без учеников, поэтому никаких сведений об этом не сохранилось. Доказывают это некоторые строки из воспоминаний Гартмана. Во время путешествия в «Персию», за день до прибытия в Уч-Дере прекрасно знающий местность Гурджиев объявил ученикам, что намерен добраться до лесопильни, принадлежащей его зятю, где экспедиция и заночевала. Во время второго путешествия в Сочи, Гурджиев остановился в доме своего двоюродного брата.

Гораздо интереснее первой, была вторая экспедиция Гурджиева в Сочи, организованная в самый разгар боевых действий на Северном Кавказе. Вот, что о ней пишет сам Георгий Иванович: «Район Минеральных Вод, где мы тогда жили, превратился в центр боевых действий гражданской войны, и мы попали внезапно меж двух огней. Города переходили из рук в руки: сегодня здесь командовали большевики, на следующий день город занимали казаки, а затем их выбивали части добровольческой белой армии. Было также много вооруженных формирований неопределенной политической ориентации, занимавшихся в основном грабежами и убийствами. (...) Было просто невозможно постоянно находиться под дамкловым мечом, следовало найти какой-то выход. (.) Меня заинтересовали сооружения, которые археологи называют дольменами. Эти памятники истории, пришедшие к нам из далекого прошлого, найдены почти на всех континентах. Я располагал достоверными сведениями о том, что дольмены могут быть найдены и в некоторых районах Кавказа, и даже примерно знал район, который стоило тщательно обследовать. Проанализировав все данные еще раз, я пришел к выводу, что между восточным берегом Черного моря и Кавказским хребтом, особенно в районе некоторых перевалов, которые я когда-то бегло обследовал, наверняка имеются дольмены. (...) Тому, кто не имеет ни малейшего представления о том, что происходило в России в разгар гражданской войны, трудно понять, чего мне стоило организовать научную экспедицию в те годы.

Из Эссентуков я собирался двигаться по населенным районам до горы Индур (Индюк - К.М.), расположенной недалеко от Туапсе, и отсюда уже начать поиски, двигаясь в юго-восточном направлении параллельно берегам Черного моря, держась от него на расстоянии от двадцати пяти до шестидесяти километров. Для одной группы мне с большими трудностями удалось получить от большевистского правительства, которое было тогда у власти, два железнодорожных вагона, и это в тот период, когда железная дорога использовалась исключительно для перевозок войск и военных грузов, и сесть в поезд гражданскому лицу даже без багажа было практически невозможно».

Читая эти строки легко поверить в магические способности Гурджиева. Совет депутатов выделил экспедиции не только вагоны, но и снаряжение: небольшие кир-

ки, топорики, палатки и даже несколько галлонов чистого спирта, бывшего тогда на вес золота. Возможно, большевиков больше привлекла другая цель экспедиции, о которой Гурджиев в своей книге не упоминает – поиски золота в реках под горой Индюк. Об этом пишут другие участники экспедиции. Именно для промывки золота и требовался спирт. Странно, что власти не отправили с экспедицией своего представителя. Группа Гурджиева состояла из гвардейских офицеров, врачей, инженеров, ученых, т.е. «бывших».

Из-за военных действий, группе удалось добраться по железной дороге лишь до Майкопа. Далее пришлось двигаться пешком. Изменился и маршрут. По долине р. Белой, через п. Хамышки экспедиция поднялась на Лагонаки и спустилась в долину р. Шахе, испытав в пути многочисленные приключения, встречаясь с белыми, красными, разбойниками.

В долине реки Шахе экспедиция приступила, наконец, к изучению дольменов. Какие именно памятники изучались, сказать трудно. По воспоминаниям Т. Гартмана это дольмены близ Бабакаула. Но, скорее всего, права другая участница экспедиции Элизабет де Валь, оставившая более подробные воспоминания об этой части экспедиции. Она пишет, что дольмены находились в районе Солохаула.

В Солохауле экспедицию гостеприимно принял в своем доме образованный поляк, инженер – дорожник и мостостроитель. Через несколько дней охотники показали группе Гурджиева дольмены в лесу. Э. де Валь поразило то, что все они стояли неподалеку от заброшенных остатков жилищ горцев, а так же то, что в одном из больших корытообразных дольменов новые поселенцы устроили курятник.

Вот что пишет по поводу исследования дольменов Т. Гартман: «Существует теория, что дольмены служили алтарями, но это очень сомнительно. Г-н Гурджиев сказал, что, вероятно, они являлись дорожными знаками, показывающими путь к местам посвящения. Он спросил у охотников, не находили ли они в лесу еще другие дольмены, хотя бы и сломанные, но те ответили, что никаких других они больше не видели. Г-н Гурджиев произвел некоторые измерения и определил направление, в котором мы должны были следовать. Он велел нам ставить отметки в этом направлении — тонкие палки с привязанными носовыми платками. Мы должны были прорубать себе путь топорами через дремучий девственный лес. Вскоре мы пришли к другому дольмену, совершенно покрытому травой и кустарником, но нетронутому. Затем был найден третий, но каменная крышка этого дольмена, разбитая, лежала рядом. Внутри опять-таки ничего не оказалось. Это открытие г-на Гурджиева было результатом вычисления и поразило нас так же, как и охотников, которые думали, что знают местность в совершенстве».

Затем экспедиция отправилась в Сочи. Оттуда часть учеников вернулась в Ессентуки, остальные остались с учителем. В Сочи Гурджиев пробыл до января 1919 года. Когда появилась угроза боевых действий в городе, Гурджиев в середине января на пароходе отбыл в Поти, а оттуда в Тифлис.

Более в Россию Г.И. Гурджиев не возвращался.

Михаил Кудин